

Ги де Мопассан

История служанки с фермы

*Часть сборника
Милый друг. Жизнь. Новеллы*

Ги д. Мопассан

История служанки с фермы

«ЛитПаб»

1881

Мопассан Г. д.

История служанки с фермы / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб», 1881

«Я вошел в литературу, как метеор», – шутливо говорил Мопассан. Действительно, он стал знаменитостью на другой день после опубликования «Пышки» – подлинного шедевра малого литературного жанра. Тема любви – во всем ее многообразии – стала основной в творчестве Мопассана. Произведение входит в авторский сборник «Пышка».

Содержание

ГЛАВА I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

*Ги де Мопассан
1850 — 1893*

Ги де Мопассан

История служанки с фермы

ГЛАВА I

Так как была прекрасная погода, то на ферме пообедали быстрее обычного, и все ушли в поле.

Служанка Роза осталась одна в просторной кухне, где еще тлел огонь в очаге под котелком с горячей водой. Время от времени она черпала из котелка воду и не спеша мыла посуду, заглядывая на два светлых квадрата, которые солнце через окно рисовало на длинном столе, обнаруживая в них все изъяны стекла.

Три дерзкие курицы бродили под стульями, подбирая крошки. Сквозь полуоткрытую дверь в кухню проникали запахи птичника, теплые и кислые испарения хлеба. В знойной полуденной тишине слышалось пение петухов.

Девушка вытерла стол, вычистила очаг, расставила тарелки на высоком поставце, стоявшем в глубине кухни рядом с созвучно тикавшими деревянными часами. Окончив работу, она вздохнула: голова у нее слегка кружилась, в груди была какая-то тяжесть, причина которой была ей непонятна.

Она обвела взглядом почерневшие глиняные стены, закоптелые балки потолка с висевшей на них паутиной, сушеные селетки, связки луковиц. Потом села, чувствуя, что ее мутит от застарелого запаха, поднимавшегося в этот жаркий день от утоптанного земляного пола, пропитанного всякой всячиной, постоянно проливавшейся на него. К этому еще примешивался резкий запах молока, отстаивавшегося в соседней комнате, в холодильнике.

Несмотря на слабость, Роза хотела по обыкновению приняться за шитье, но силы ей изменили, и она вышла на порог подышать свежим воздухом.

Здесь, под лаской жарких лучей солнца, она почувствовала, как сладкая истома проникает ей в сердце и разливается по всему телу.

От навозной кучи, лежавшей недалеко от двери, все время шел легкий пар, сиявший на солнце. В навозе копошились куры; ложась на него грудью, они скребли одной лапкой, ища червячков. Среди них гордо красовался петух. Каждую минуту он выбирал какую-нибудь из них и начинал вертеться вокруг нее со слабым призывным криком. Курица с небрежным видом поднималась и спокойно принимала его, сгибая лапки и поддерживая его крыльями, потом отряхала перышки, с которых летела пыль, и снова ложилась на навоз, в то время как петух заливался, возвещая о своей очередной победе. И из всех дворов откликались другие петухи, как бы посылая друг другу с фермы на ферму вызов на состязание в любви.

Служанка рассеянно смотрела на них. Потом подняла глаза, и ее ослепил блеск яблонь в цвету, совершенно белых, как напудренные головы.

Вдруг мимо нее галопом пронесся ошалевший от веселья жеребенок. Он дважды обежал канавы, обсаженные деревьями, потом остановился как вкопанный и повернул голову, словно удивляясь тому, что он один.

Девушку тоже вдруг охватило желание побегать, потребность двигаться – и в то же время ей хотелось лечь, вытянуться и подремать на воздухе, теплом и неподвижном. Она в нерешительности сделала несколько шагов, закрыв глаза, отдаваясь ощущению животного блаженства. Потом лениво направилась к курятнику собрать яйца. Их оказалось тринадцать штук; она подобрала их, отнесла в дом и спрятала в буфет. От запаха в кухне ей снова стало не по себе, и она вышла посидеть на траве.

Двор фермы, окруженный деревьями, казалось, спал. Высокая трава, в которой огоньками блестели желтые одуванчики, была сочного зеленого цвета – ярко-зеленого цвета весны. Яблони отбрасывали к своему подножию круглую тень, и соломенные крыши строений, из которых росли ирисы с листьями, похожими на сабли, слабо дымились, как будто сырость конюшен и амбаров испарялась сквозь солому.

Служанка вошла под навес, куда ставили телеги и повозки. Тут, на дне канавы, была зеленая ложбинка, где густо росли и благоухали фиалки, а над откосом вдали виднелось поле – широкая равнина, на которой росли хлеба, с разбросанными там и сям кучами деревьев. Работавшие в поле люди казались издали совсем маленькими, как куклы, а белые лошади – игрушечными лошадками, тащившими детский плужок, за которым шел человек ростом с палец.

Девушка принесла из сарая сноп соломы и бросила в ложбинку, чтобы сесть на него. Но сидеть было неудобно, и она развязала сноп, раскидала солому и легла на спину, подложив руки под голову и вытянув ноги.

Медленно закрыла она глаза, убаюканная сладкой истомой. Она уже совсем засыпала, как вдруг почувствовала, что чьи-то руки обхватили ей грудь, и живо вскочила. Это был Жак, работник на ферме, рослый и статный пикардиец, с некоторых пор ухаживавший за нею. Сегодня он работал в овчарне и, увидев, что Роза прилегла в тени, подкрался к ней на цыпочках, затаив дыхание. Глаза его блестели, в волосах застряли соломинки.

Он сделал попытку поцеловать ее, но девушка, такая же сильная, как он, дала ему пощечину, и он притворно попросил прощения. Они уселись рядом и стали болтать как хорошие друзья. Поговорили о погоде, благоприятной для жатвы, о том, что год обещает быть урожайным, что хозяин их славный малый; потом – о соседях, обо всех окрестных местах, о себе самих, о своей деревне, вспомнили свою юность, родителей, с которыми они расстались надолго, может быть, навсегда. Роза, думая об этом, растрогалась, а Жак, поглощенный одной неотвязной мыслью, придвигался все ближе, прижимался к ней, весь дрожа от нахлынувшего желания.

Она промолвила:

– Давно уж я не видалась с матерью! Как-никак, а тяжело жить в разлуке со своими.

И ее задумчивый взгляд, устремленный куда-то вдаль, казалось, проникал через пространство, ища там, далеко на севере, покинутую ею деревушку.

Жак неожиданно схватил ее за шею и снова поцеловал. Но она ударила его кулаком прямо в лицо с такой силой, что у него из носу потекла кровь. Он встал и прислонился головой к стволу дерева. Тогда Розе стало его жалко, и, подойдя, она спросила:

– Больно тебе?

Но он засмеялся. Нет, это пустяки, а кровь пошла оттого, что она ударила его как раз посередине носа.

Глядя на нее с восхищением, он пробормотал: «Ну и здоровая девка!»

В нем росло уважение, какая-то новая, особенная нежность, похожая на начало настоящей любви к этой рослой девушке, такой здоровой и сильной.

Когда кровь перестала течь, он предложил Розе пройтись, боясь, что ему снова придется испытать силу ее кулака, если они останутся сидеть рядом. Но она сама взяла его под руку, как делают обрученные, прогуливаясь вечером по улице, и сказала:

– Нехорошо с твоей стороны, Жак, так мало уважать меня.

Он запротестовал. Он вовсе не мало уважает ее, он просто влюблен – вот и все.

– Значит, ты хочешь на мне жениться? – спросила она.

Жак промолчал и, когда девушка рассеянно загляделась вдаль, стал посматривать на нее сбоку. Щеки у нее были круглые и румяные, губы полные, под ситцевой кофтой выступала пышная грудь, а шея, почти обнаженная, была усеяна капельками пота. Он почувствовал, что его снова охватывает желание, и шепнул ей на ухо:

– Конечно, хочу!

Тогда она обвила руками его шею и так поцеловала, что у них обоих захватило дыхание.

С этой минуты началась между ними обычная любовная игра: они возились по углам, назначали друг другу свидания при свете луны за копной сена и до синяков жали под столом друг другу ноги грубыми башмаками, подбитыми гвоздями.

Но мало-помалу Роза, видимо, надоела Жаку. Он стал избегать ее, почти не разговаривал с нею, не искал больше встреч наедине. Тогда ее охватили сомнения и глубокая тоска, а через некоторое время она заметила, что беременна.

Сначала она была ошеломлена, потом ее обуяла злоба, усиливавшаяся с каждым днем, так как Жак старательно избегал ее и ей никак не удавалось увидеться с ним.

Наконец однажды ночью, когда все на ферме уже спали, она тихонько вышла в одной юбке, босиком, пробежала через двор и открыла дверь в конюшню, где Жак ночевал на соломе в большом ящике над стойлами. Услышав ее шаги, он притворился, что храпит, но она взобралась к нему наверх и, опустившись подле него на колени, стала трясти его до тех пор, пока он не поднялся.

Когда он сел, спрашивая: «Чего тебе нужно?» – она произнесла сквозь стиснутые зубы, дрожа от ярости:

– Мне нужно... мне нужно, чтобы ты на мне женился, как обещал.

Он засмеялся:

– Вот еще! Если бы жениться на всех девушках, с которыми грешил, то что бы это получилось?

Но Роза вцепилась ему в горло, повалила навзничь, так что он не мог высвободиться из ее бешеных объятий, и стала душить, крича ему в самое лицо:

– Я беременна, слышишь ты? Беременна!

Жак хрипел, с трудом переводя дыханье. И они долго так оставались неподвижными среди черного безмолвия ночи, нарушаемого лишь похрустыванием соломы, которую лошадь выгаскивала из кормушки и затем медленно пережевывала.

Когда Жак понял, что она сильнее его, он пробормотал:

– Ладно, женюсь, коли так вышло.

Но она больше не верила его обещаниям.

– Ты сейчас же попросишь священника сделать оглашение!

Он ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.